

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ МИФОНИМЫ КАК СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО КОНЦЕПТА «ОБРАЗОВАНИЕ» В НОВЕЙШЕМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ

В статье анализируется функционирование прецедентных мифонимов на материале пяти новейших немецкоязычных романов. Прецедентные мифонимы выступают в качестве образных составляющих лингвокогнитивного концепта «ОБРАЗОВАНИЕ» и формы проявления античного кода, позволяющего осмыслить проблемы современного человека в этико-эстетических категориях.

Ключевые слова: мифонимы, прецедентные мифонимы, античный код, антропонимический код, концепт «ОБРАЗОВАНИЕ», новейшая немецкоязычная литература.

Постановка вопроса

Обнаружение в текстах современных немецкоязычных авторов имен античных персонажей, с одной стороны, не вызывает удивления, если учитывать многовековую связь немецкой литературы с античным кодом, поскольку античное наследие представляет собой одну из наиболее устойчивых констант европейского литературного сознания. С другой стороны, прецедентные феномены из мира античной литературы подвигают исследователей к изучению их роли и возможной интерпретации в немецкоязычном романе XXI века. Так, Т.А. Шарыпина, анализируя античные коды в немецком философско-эстетическом и литературном сознании XX века, убедительно показывает, что культура Античности всегда воспринималась немецкой творческой интеллигенцией в качестве вневременной духовной реальности. Она подчеркивает, что античный миф по-прежнему оказывается действенным и цементирующим началом в современном искусстве Германии в контексте быстро меняющейся культурно-исторической эпохи. Переосмысление античного кода в новой исторической ситуации дает универсальный ключ к интерпретации разнообразных культурных и этико-эстетических феноменов [Шарыпина 2014: 189-191].

Цель данного исследования состоит в выявлении и описании функционирования прецедентных мифонимов как формы проявления античного кода, а также средств объективации лингвокогнитивного концепта «ОБРАЗОВАНИЕ» в современном литературно-художественном дискурсе, Материалом для исследования послужили пять новейших по публикации немецкоязычных романов (период с 1999 – 2013 г.). Это роман Дорис Дёрри (*Doris Dörri, род. в 1955 г.*) «Was machen wir jetzt?» (2000), «Шея жирафа» (*Der Hals der Giraffe*, 2011) Юдит Шалански (*Judith Schalansky, род. в 1980 г.*), роман Инго Шульце (*Ingo Schulze, род. в 1962 г.*) «Адам и Эвелин» (*Adam und Evelyn*, 2008), роман Даниэля Кельмана (*Daniel Kehlmann, род. в 1975 г.*) «Ф» («F»), 2013) и роман Андреаса Штайнхёфеля (*Andreas Steinhöfel, род. в 1962 г.*) для детей «Рико, Оскар и тени темнее темного» (*Rico, Oskar und die Tieferschatten*, 2008).

Прецедентные мифонимы и лингвокультурный концепт «ОБРАЗОВАНИЕ»

Под мифонимами мы понимаем, согласно определению О.И. Фоняковой, имена античных богов и мифологических персонажей [Фонякова 1990: 5]. К прецедентным мы относим мифонимы, обладающие когнитивной и эмоциональной значимостью для определенной культуры, но кроме того для них характерна постоянная возобновляемость в разных типах дискурса, а также употребление в качестве средств вторичной номинации.

Прецедентные мифологические имена представляют собой малочисленную группу, однако их употребление, а также фразеологизмы с прецедентными мифонимами обнаруживаются в прагматиконе протагонистов всех анализируемых нами романов. Фразеологизмы, в состав которых входят прецедентные мифонимы, а также производные от них прилагательные или абстрактные существительные сопровождаются в одноязычном толковом словаре DUDEN стилистической пометой *bildungssprachlich* «книжное, сфера образования» [<https://www.duden.de>]. Например: Herkules 'Геркулес', Grazien 'Грации', ein gordischer Knoten 'гордиев узел', Odysseus 'Одиссей' и Odyssee 'Одиссея', Orpheus 'Орфей', Ikarus 'Икар'. Книжная лексика используется образованными персонажами, поскольку их употребление предполагает наличие куль-

турного опыта и знание древнегреческих мифов, легенд, произведений античной литературы. Кроме того, как показала Т.А. Шарыпина, изменения эпохи и культурно-философского уровня большинства читающей публики в XX веке стимулировали процесс интеллектуализации искусства и обращение немецких авторов при осмыслении нравственных проблем к «вековому опыту человечества», заложенному в античном коде и мифах. Античный код рассматривается в роли своеобразного вечного этико-эстетического критерия в художественных системах немецких писателей XX века [Шарыпина 2014: 190].

Использование лексики «высокого стиля» при общей тенденции демократизации литературного языка говорит о стремлении героев показать свое превосходство над другими, тем более что к прецедентным мифологическим именам и фразеологизмам с мифонимами персонажи в современных романах, как правило, прибегают в целях иронии. В качестве иллюстрации приведем пример из романа Дорис Дёрри (Doris Dörrie, род. в 1955 г.) «*Was machen wir jetzt?*». Главный герой романа иронично описывает ситуацию его проводов из буддийского лагеря для сопровождения знакомой голландки Антье с телом ее внезапно умершего мужа, сравнивая себя с Орфеем перед его путешествием в царство мертвых, ср:

*Danach hat man mich behandelt wie einen Helden, mir x-mal Kraft und eine gute Reise gewünscht, als müsste ich wie **Orpheus** in die Unterwelt. Die Unterwelt ist die Gegenwart der Trauer und des Leids* (Dörrie: 240).

Для понимания ироничного отношения к описанной ситуации требуется знание античного сюжета «Орфей и Эвридика». Использование прецедентных мифонимов в новейшем немецком романе можно рассматривать как средства репрезентации лингвокультурного концепта «ОБРАЗОВАНИЕ». Концепт «BILDUNG/ОБРАЗОВАНИЕ» оставался и является значимым феноменом в немецком лингвокультурном сообществе. Л.А. Юшкова выделяет ряд базовых концептуальных признаков концепта «BILDUNG», проведя лексикографический анализ, с учетом историко-культурного контекста, и объединяет выявленные признаки в следующие пять групп или «семантических моделей»: 1) «Обра-

зование» – «Развитие личности», 2) «Образование» – «Воспитанность, 3) «Образование» – «Показатель статуса», 4) «Образование» – «Воспитание морально-нравственных качеств», 5) «Образование» – «Обучение». Первая группа объединяет такие признаки, как «самосовершенствование», «самообразование», «способность к анализу, рефлексии и самокритике», «широкий кругозор». Эти признаки исследователь относит к ядру немецкого концепта “BILDUNG”, поскольку они доминируют в сознании представителей немецкого лингвокультурного сообщества. Вторая группа включает в себя такие признаки как «эрудированность», «культурность», «правильное поведение», «хорошие манеры». Группа «Образование – Показатель статуса» характеризуется признаками «элитарность», «престижность», «залог успеха» и указывают на то, что это абстрактное понятие может метафорически мыслиться как ценный предмет. К группе «Образование» – «Воспитание морально-нравственных качеств» относятся признаки «благородство», «порядочность», «благонравие». Пятую группу «Образование» – «Обучение» можно описать, выделив такие признаки, как «приобретение умений и навыков по специальности», «квалифицированность», «профессионализм в определенной области» [Юшкова 2014: 215-216].

В художественном дискурсе новейшего немецкого романа прецедентные мифонимы актуализируют семантические признаки двух групп «Образование – Развитие личности» и «Образование – Показатель статуса», а именно такие характеристики как широкий кругозор, эрудированность личности, элитарность, престижность образования, успешность образованного человека. В современной ФРГ университетское образование считается преимуществом, поскольку рассматривается немцами как условие успешной карьеры и успеха в жизни, обеспечивающее превосходство над другими.

Сказанное подтверждает пример из романа Инго Шульце «Адам и Эвелин». Основное действие романа разворачивается в 1989 году в социалистической Венгрии, когда Венгрия открыла границу с Австрией. В разговоре главного героя Адама, простого портного из ГДР, с «западным» образованным немцем Михаэлем об отличиях жизни на западе и востоке, второй явно демонстри-

рует свое преимущество, хотя и пытается сгладить его шутивным тоном. Образованность и эрудированность Михаэля позволяют ему распознать в названии производимых в Венгрии автобусов «Ikarus» миф о Дедале и Икаре и необычной смерти Икара вместе с их изобретением и строить намеки на сходство судьбы Икара и стран Восточного блока, ср.:

„*Warst du schon mal hier (in Ungarn)?*“

„*Nein, der Osten hat mich nie interessiert. Der war schon vor zwanzig Jahren abgehängt.*“

„*Du meinst ökonomisch?*“

„*Wer seine Busse «Ikarus» nennt*“, *Michael lacht auf, „was soll denn dabei herauskommen? Der Fortschritt wohnt im Westen* (Schulze: 171).

Прецедентные мифологические имена в речи протагонистов дают почувствовать читателю их образованность и статус, позволяют выразить эмоционально-оценочное отношение с опорой на стереотип или стереотипные представления или ситуации, индуцируемые мифонимом, и одновременно избежать резкости суждения. Использование прецедентных мифонимов в составе сравнительных конструкций и как метафоры можно рассматривать как реализацию митигативной стратегии смягчения оценки. Под митигацией (от лат. *mitigare* «смягчать, ослаблять») С.С. Тахтарова понимает «коммуникативную категорию, основным содержанием которой являются прескрипции, установки и правила, детерминированные максимами вежливости и направленные на минимизацию коммуникативных рисков в интеракции, реализуемые в общении митигативными стратегиями и тактиками, отмеченными этнокультурной спецификой» [Тахтарова 2008: 161-162]. При этом коммуникативная категория смягчения тесно связана с категориями толерантности и вежливости. Вежливость входит в понятие воспитанности и одну из семантических групп концепта «ОБРАЗОВАНИЕ».

В художественном дискурсе прецедентные мифонимы могут выступать в составе сравнительных конструкций, которые в свою очередь являются защитными ироническими высказываниями игрового типа. Проиллюстрируем данное явление на примере мифонима *Herkules* (Геркулес). Герой романа *Was machen wir jetzt?*

(2000 г.) Дорис Дёрри (*Doris Dörri*, род. в 1955 г.) Фред Кауфман оказывается не способным терпеть укусы комаров в буддистском лагере и вспоминает директора блошиного цирка, который мужественно переносил укусы блох во время их кормления, сравнивая его с самым сильным человеком на свете – Геркулесом, ср.:

Er (Flohziirkusdirektor) kam mir auf geheimnisvolle Weise stark vor, stärker als Herkules, der stärkste Mann der Welt im Nachbarzelt, der Eisenstangen verbiegen konnte <...> Ich konnte vielleicht meine Muskeln trainieren, um so zu werden wie Herkules, aber nichts konnte ich tun, um jemals so zu werden wie der Flohziirkusdirektor (Dörrie: 159).

Прецедентный мифоним *Herkules* (Геркулес) служит образом сравнения, в качестве признака сравнения, на основании которого происходит сопоставление, используется прилагательное в сравнительной степени *stärker* «сильнее». Форма *stärker* указывает на интенсивность сравнения, демонстрируя эмоционально-оценочное, в частности ироничное отношение героя к описываемому человеку и к самому себе и к своей слабости. Эрудированность героя, его знания античной мифологии позволяют ему в качестве защитного механизма использовать ироничное сравнение с Геркулесом, чтобы изменить знак переживания ситуации, с минуса на плюс. Несомненно, степень суггестивности прецедентного имени, в данном случае – мифонима, зависит от образованности героя и читателя. Начитанность героя служит источником для его чувства юмора, иронии и самоиронии.

В романе Юдит Шалански «Шея жирафа» героиня романа Инга Ломарк, учитель биологии и физкультуры, высокомерно ведет себя по отношению к своим ученикам, считает их недостаточно развитыми, незрудированными, принципиально не вступает с ними в контакт во внеурочное время. О широком кругозоре Фрау Ломарк свидетельствует наличие в ее прагматиконе прецедентных мифонимов. Она называет *Grazien* (Грации) двух учениц из своего класса, подчеркивая, с одной стороны, их юность и красоту, и с другой стороны, зная, что эти прекрасные создания участвуют в травле одной из одноклассниц и в очередной раз готовы к новому нападению. Ср.: *Der Bus musste bald kommen. An der Haltestelle hatten sich schon die Fahrschüler zusammengerottet. Auch ein paar*

aus ihrer Klasse waren dabei: Kevin, Paul, der Dicke und die zwei Grazien von der Eselsbank. Sie hatte das Opfertier Ellen im Visier. Es galt das Faustrecht (Schalansky: 71).

Грации – три благодетельных богини из римской мифологии, олицетворяющие собой в римской мифологии радостное, доброе и вечно юное начало жизни: красоту, любовь и удовольствие. Инга Ломарк, классный руководитель этих девочек, прекрасно знает о расхождении между их внешностью и поступками и называет их не так, как они этого заслуживают, а с помощью иронии дистанцируется от происходящего и оправдывает свою политику невмешательства.

Особого внимания при анализе прецедентных мифонимов заслуживает имя *Odysseus* (Одиссей) из-за частности его появления в романах современных немецкоязычных авторов. Оним Одиссей является прецедентным для образованных представителей немецкоязычной лингвокультуры. В литературном словаре Хорста и Ингрид Демрих он рассматривается как один из важнейших героев в мировой литературе, с которым связаны мотивы приключений, странника и возвращения [Daemmrigh 1995: 270-271]. Согласно исследованию, проведенному на материале этого словаря, мифоним Одиссей – один из 17 значимых для немецкой культуры мифонимов, востребованность которых строится на богатом, насыщенном разнообразными признаками импликационале, открывающим возможность новых интерпретаций этих «вечных» образов [Блинова 2016: 20-24].

Интересным представляется факт, что три героя анализируемых романов художник Ивейн Фридланд из романа Даниэля Кельмана «Ф», Фред Кауфман из романа Дорис Дёрри и даже десятилетний «высокоодаренный» Рико Доретти у Штайнхёфеля сравнивают себя, сопоставляют свои действия и поступки с хитрым Одиссеем. Способность к анализу, рефлексии и самокритике относится к ядерным признакам концепта «ОБРАЗОВАНИЕ».

В импликационал онима Одиссей входят следующие признаки: ум, хитрость, изворотливость и отвага, а к области сильного импликационала можно отнести качество «мастер выживания». Так, Фред Кауфман вспоминает именно ум и хитрость Одиссея, когда сам попадает в нежелательную ситуацию. Он сравнивает

себя с царем Итаки и понимает, что тот бы так опрометчиво никогда не поступил, ср:

*Ich kenne sein After-Shave. Es ist das gleiche wie meins. L'eau d'Issey. Richtig ausgesprochen bedeutet es **die Odyssee**. Aber hierher hätte es selbst **Odysseus** nicht verschlagen, er wäre rechtzeitig abgelenkt. Diesen Quatsch hätte er nicht mitgemacht* (Dörrle: 146-147).

Герой романа Даниэля Кельмана (*Daniel Kehlmann*, род. в 1975 г.) «Ф» («F», 2013) Ивейн в ситуации смертельной опасности ведет себя подобно хитроумному Одиссею в столкновении с циклопом-великаном Полифемом, которому он представляется как «Никто», ср.:

„Wer bist denn du?“

*„Ich bin <...> Aber meine Stimme ist nicht zu hören. Ich räusperte mich, jetzt geht es besser. „niemand“. Die alte Antwort des **Odysseus**, erprobt und bewährt in Situationen wie dieser „Ich bin niemand!“* (Kehlmann: 120).

Ивейн является художником и одновременно известным критиком, он хорошо образован и начитан. Имя Одиссея представляет собой прецедентный мифоним, актуализирующий в сознании образованных носителей стереотипную ситуацию поведения, когда не стоит называть своего имени ради спасения своей жизни. Античные мифонимы не только образуют интернациональную «античную» составляющую в разных языках, но и входят в антропонимический код культуры, поскольку они сквозь призму античных сюжетов дали материал для осмысления жизни, поступков, поведения и характера человека [Ковшова 2019: 221-222]. Однако сегодня этот античный слой языка и культуры закрыт массовому читателю и служит показателем образованности, элитарности, избранности.

Современные немецкоязычные писатели стараются сохранить европейский антропонимический код культуры, создавая преемственность среди разных поколений читателей. В детском романе Андреаса Штайнхёфеля (*Andreas Steinhöfel*, род. в 1962 г.) «Рико, Оскар и тени темнее темного» (*Rico, Oskar und die Tieferschatten*, 2008) мифоним Одиссей имеет не только стилистическую нагрузку, но и выполняет функцию лейтмотива в произведении.

Сегодня познакомиться с героем Гомера можно, посмотрев экранизацию «Одиссеи», как это делает десятилетний Рико Доретти у Штайнхёфеля, ср.:

Ich habe mal mit Frau Dahling einen Film gesehen über den berühmten griechischen Helden <...> Also, er fing mit O an und war mit einem Holzpferd im Krieg gewesen, und danach fuhr er jahrelang auf seinem Schiff durch die Gegend, um zu seiner geliebten Frau zurückzukehren <...> (Steinhöfel: 59-60).

Рико не смог запомнить сложное для него имя, поэтому он называет Одиссея «герой О», что не мешает ему мысленно возвращаться к ключевым эпизодам древнегреческого эпоса, когда в жизни мальчика случаются важные события. Например, появление нового симпатичного соседа Бюля вызывает у Рико желание, чтобы его мама связала с этим человеком свою судьбу, и он вновь обрел папу. При этом разговор мамы с очарованным Бюлем напоминает Рико эпизод «Одиссей и сирены». Ср.:

Den Bühl hatte keiner angebunden. Er stapfte hinter Mama her in die Küche, als hätte sie ihm auch gerade was vorgesungen, und er guckte dabei haargenau so verzückt wie der O, als er nicht vom Schiffsmast loskam (Steinhöfel: 60).

В приведенном примере прецедентный мифоним Одиссей позволяет осмыслить, казалось бы, простую ситуацию в этико-эстетическом ключе: невозможность устоять перед женскими чарами и красотой подается как очарованность и восторженность.

Выводы

Как показал анализ употреблений прецедентных мифонимов в новейшем немецкоязычном романе, концепт «ОБРАЗОВАНИЕ» продолжает играть важную роль, сохраняя ценность для носителей немецкой лингвокультуры. Однако актуализация концепта в художественном дискурсе происходит не так явно, как прежде. Концепт «ОБРАЗОВАНИЕ», также, как и другие концепты не является статичным и испытывает влияние времени. Прецедентные мифонимы объективируют в художественном дискурсе такие признаки этого концепта, как показатель статуса, эрудированности героев, а также способности к самоанализу и рефлексии. Это наблюдение подтверждает, что герой немецкоязычной литературы

по-прежнему представляет собой образованного носителя культуры, и произведения современных авторов рассчитаны на образованного читателя, хотя черты образованного человека становятся менее выраженными и менее яркими, а его речь более демократичной. Сегодня образование перестает стопроцентно гарантировать уверенность, безопасность и успешность современного человека. Поскольку герой пост-постмодернистского романа живет в состоянии онтологической неуверенности, в качестве защитной реакции он прибегает к иронии, выразить которую ему позволяют в том числе и прецедентные мифонимы. Шутливый и/или ироничный тон смягчает негативное впечатление от интеллектуального превосходства и сглаживает антагонизм между протагонистами из разных социальных групп. Мифонимы позволяют осмысливать героям свой опыт в этическом и эстетическом ключе, переводя свои проблемы и вопросы в план «вечных проблем» для человечества. Присутствие прецедентных мифонимов в новейшем романе ФРГ говорит о том, что античный код по-прежнему играет важную роль в эстетическом сознании немецкой нации.

Библиографический список

1. Блинова Ю.А. Прецедентные мифонимы в художественной литературе и языке // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. научных трудов XVI Междунар. научно-практич. конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» / ред. Ю.В. Кобенко. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. – С. 20-25.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
3. Тахтарова С.С. Коммуникативная личность в параметрах смягчения (на материале художественной коммуникации) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 21. № 16 (117). – С. 158-165.
4. Фоянкова О.И. Имя собственное в художественном тексте. – Л.: ЛГУ, 1990. – 104 с.
5. Шарыпина Т.А. Античные коды в немецком философско-эстетическом и литературном сознании XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). – С. 186–192.

6. Юшкова Л.А. Концепт «ОБРАЗОВАНИЕ» в немецком и русском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. – С. 214-217.

Источники

1. Daemrich, Horst S. Themen und Motive in der Literatur: ein Handbuch / Hrsg. von S. und Ingrid g. Daemrich. 2. Aufl. – Tübingen; Basel: Francke, 1995. 410 S.

2. Doris, Dörrie. Was machen wir jetzt? – Zürich: Diogenes Verlag, 1999. 304 S.

3. Kehlmann, Daniel. “F” . – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2013. 384 S.

4. Duden – Duden Online-Wörterbuch. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (in German).

5. Schalansky, Judith. Der Hals der Giraffe. – Berlin: Suhrkamp, 2013. 222 S.

6. Schulze, Ingo. Adam und Evelyn. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2017. 314 S.

7. Steinhöfel, Andreas. Rico, Oskar und die Tieferschatten. – Hamburg: Carlsen Verlag, 2008. 220 S.

J.A. Blinova (Russland, Samara)

PRÄZEDENZMYTHONYMEN ALS AUSDRUCK DES LINGUOKOGNITIVEN KONZEPTES «BILDUNG» IM DEUTSCHSPRACHIGEN ROMAN DER GEGENWART

Im Beitrag werden Funktionen von Präzedenzmythonymen in fünf deutschsprachigen Romanen der Gegenwart analysiert. Präzedenzmythonymen dienen als bildhafte Ausdrucksmittel des linguokognitiven Konzepts «BILDUNG» und erweisen sich als antiker Kulturcode, der Probleme des modernen Menschen in ethischen und ästhetischen Kategorien nachvollziehen lässt.

Schlüsselwörter: *Mythonymen, Präzedenzmythonymen, Konzept «BILDUNG», antiker Kulturcode, anthroponymischer Kulturcode, deutschsprachige Gegenwartsliteratur.*